

**Карен Степанян**

## **ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА И РОМАН «ИДИОТ»**

Тема «Достоевский и Евангелие» огромна, она, конечно, не исчерпывается изучением помет писателя на его личном, «сибирском» экземпляре Евангелия (да и эта работа только начата). Каждое из четырех Евангелий, Деяния, Послания, Откровение — все заслуживает отдельного изучения в свете своего влияния на творчество Достоевского. Отдельного изучения, бесспорно, заслуживает и Четвертое Евангелие. Исследователи (Г.Ф. Коган, Г. Хьетсо и др.) отмечали особую приверженность Достоевского к Евангелию от Иоанна.<sup>1</sup> Это же Евангелие часто называют «русским Евангелием», а Православие — «иоанновым христианством». Все это делает тему «Достоевский и Евангелие от Иоанна» чрезвычайно важной. Помимо работ упомянутых выше ученых, следует отметить одноименную весьма содержательную статью В.В. Дудкина;<sup>2</sup> в свою очередь Дудкин ссылается на работу Никиты Струве начала 80-х годов,<sup>3</sup> с которой мне пока не удалось познакомиться. Но все это, конечно, только начало разработки темы. Достоевский неисчерпаем, и несмотря на тысячи книг и исследований, огромная неизученная целина еще простирается перед нами. Данная статья практически не пересекается с работой Дудкина, думаю, что и Никита Струве пишет о другом.

Если мы посмотрим на бытование тематики Евангелия от Иоанна в творчестве Достоевского в хронологическом порядке, то увидим, в самых общих чертах, следующую картину. Сначала в «Неточке Незвановой» (эпизод прощения блудницы), потом — в «Зимних заметках...» (заповедь «Лю-

бите друг друга»), потом «Преступление и наказание» — «се Человек» в первой речи Мармеладова и воскрешение Лазаря, потом — «Идиот» (тут все это и «Слово плоть бысть»), потом «Бесы» (тут главный мотив Подготовительных материалов «Слово плоть бысть»), потом «Подросток» — тут тоже в основном в Подготовительных материалах: «свет во тьме светит» и прощение блудницы, и, наконец, «Братья Карамазовы» — тут эпиграф о пшеничном зерне, Кана Галилейская и отчасти тема Фомы; тема прощения блудницы — также в известных откликах Достоевского в «Дневнике писателя» на судебные дела Каировой, Корниловой, Засулич; то есть, в общем, основные опоры глубинной проблематики всех главных произведений. Вот что обращает на себя внимание: все эти названные темы и эпизоды Четвертого Евангелия — и воскрешение Лазаря, и притча о зерне, и Кана Галилейская, и «Слово плоть бысть», и прощение блудницы — есть только в нем, отсутствуют в синоптических Евангелиях. Здесь, конечно, огромный материал для раздумий и дальнейших исследований.

Что же касается собственно романа «Идиот». Может быть, я в плену темы, но мне кажется, что здесь связь с Евангелием от Иоанна особенно важна и существенна, помогает многое в романе понять. В своей работе я опирался, в качестве одного из основных источников, на книгу епископа Кассиана Безобразова «Водою и Кровию и Духом. Толкование на Евангелие от Иоанна». Еп. Кассиан характеризует основные признаки Четвертого Евангелия так: «Нигде в Новом Завете Божество Христово не подчеркнуто так, как оно подчеркнуто в Ин.», единение Отца и Сына: «Откровение Иисуса как Сына Божия и откровение Иисусом Бога как Отца есть основная мысль Четвертого Евангелия»; понятие истины предполагает действие Святого Духа; представление о Царстве Божьем, уже наличном — «настанет время и настало уже»<sup>1</sup>. Еп. Кассиан называет это Евангелие самым таинственным, мистическим из всех Евангелий; некая недоговоренность, недосказанность постоянно ощущается тут; основные темы — единение в любви Святой Троицы и человека, евхаристия, Богосыновство, вечная жизнь. «Ни в одном Евангелии не сказано о спасении мира в целокупности его

членов с такою ясностью, как в Ин. <...> Практическому ударению на вопросах христианской морали в первых трех Евангелиях противостоит отражение мистического опыта и догматический интерес к высочайшим истинам веры в Четвертом Евангелии»<sup>5</sup>.

В одной из своих предыдущих работ я писал о символике имен в романе «Идиот», и, в частности, о чрезвычайной многозначности имени главного героя — Лев; одно из этих значений связано с тем, что каждое из четырех Евангелий имеет своим символом изображение какого-либо животного, лев считался до XVII века символом евангелиста Иоанна (после — евангелиста Марка)<sup>6</sup>, в некоторых изданиях лев считается символом Евангелия от Иоанна и ныне<sup>7</sup>.

В тексте романа «Идиот», если следовать указателю в 30-томнике (30, II; 159), первое упоминание Евангелия от Иоанна возникает в беседе князя с камердинером об ужасе ожидания неминуемой смертной казни: «Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? <...>. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил» (8; 21). Но дело в том, что о «смертельной скорби» Иисуса в Гефсиманском саду у Иоанна нет ни слова, как и вообще о скорби Иисуса перед наступлением страстей. Вторая отсылка действительна — в рассказе князя о Мари и о гонениях на него сначала детей («даже камнями стали в меня кидать»), а потом всей деревни. Комментаторы отмечают тут (9; 434) три стиха из Ин. (отчеркнутые и — в первом случае — отмеченные знаком NB у Достоевского в Евангелии), где речь идет о гонениях иудеев на Христа и об их желании побить Его камнями. В первых двух случаях — после того, как Христос явил, что Он — Бог («Я и Отец — одно»), в третьем — когда Иисус предупреждает учеников о предстоящих гонениях, ибо они, как и Он — не от мира сего (Ин. 8: 37, 10: 31, 15: 18—20). Надо сказать, что вся история с Мари ближе всего напоминает евангельские события и тут ассоциации между Христом и Мышкиным прямее других. Сначала дети гнали его, потом он стал проповедовать им и они стали его последователями, тогда уже вся деревня (весь мир) стала гнать его, ибо он и дети стали не от мира сего. Но два фактора тут противоречат этому: то, что Мышкин обманывает сво-

их апостолов-детей в том, что составляло их «ужасное наслаждение», — в своей любви к Мари; и то, что в конце концов Мышкин примирился с этим миром. Затем упоминание Евангелия от Иоанна следует в рассуждениях Ипполита по поводу картины Гольбейна (8; 339): сначала говорится о несении Христом Своего креста на Голгофу (в синоптических Евангелиях крест несет Симон Киринаеянин) и затем о воскрешении Лазаря. Есть связь со словами Пилата «Се Человек» — в словах Настасьи Филипповны и Ипполита о князе: «В первый раз человека видела» (8; 148) и «Я с Человеком прощусь» (8; 348). И, наконец, прощение блудницы. Сначала известная сцена на дне рождения Настасьи Филипповны, затем Мышкин в разговоре с Аглаей призывает не бросать в Настасью Филипповну камня (8; 361), и наконец, Радомский в разговоре с Мышкиным вспоминает эту евангельскую сцену, указывая на ее отличия от того, как поступил князь (8; 482). Отдельных случаев упоминания и цитирования синоптических Евангелий в романе всего четыре: мука в Гефсиманском саду (8; 21); упоминание Ипполитом о пробуждении от смерти дочери Иаира (8; 339); «станем слугами, чтобы быть старшинами» (Мышкин гостям Епанчиных — 8; 458) и «утаил от премудрых и разумных...» (слова Лебедева о Мышкине — 8; 494). Таким образом, и в романе «Идиот» можно увидеть преимущественное (по сравнению с синоптическими) влияние Четвертого Евангелия и ассоциации именно с теми эпизодами этого Евангелия, где подчеркнута неотмирность Христа, Его божественное могущество, Его воплощение и любовь к людям.

В Подготовительных материалах к «Идиоту» дважды упомянуто прощение блудницы (9; 235, 239), но важнее то, что напрямую название Четвертого Евангелия Достоевский выписывает в качестве пробы пера (9; 249) в очень важный момент. В комментариях говорится так: «Сразу же после этого (пробы пера. — К.С.) писатель зафиксировал сложившуюся мысль: «Князь Христос». Скорее всего, эта запись является хронологически первой» (9; 394). Таковы случаи прямых ассоциаций или упоминаний Четвертого Евангелия в романе и Подготовительных материалах. Перейдем теперь к более глубоким, неочевидным связям и отличиям.

Начало. В отличие от синоптических Евангелий, где подробно сказано о Благовещении, Рождении Господа, взрослении Его — у Иоанна Христос появляется сразу при Иордане у Предтечи, из непредставимого горного мира, от Начала начал. «В начале было Слово <...> И Слово стало плотью <...>» (Ин. 1:1, 14). Мышкин тоже появляется из далекой горной Швейцарии<sup>8</sup> и в первой сцене всячески подчеркнута пограничность (между духом и плотью) его облика. Одна из главных тем Пролога Четвертого Евангелия — различение света и тьмы; контраст света и тьмы заявлен в начале романа (Мышкин и Рогожин, и не только). Мышкин прибыл из клиники. В христианской традиции Церковь часто именуется духовной «врачебницей», грех — болезнью, исповедь — лечением, священник — врачом (заметим, что Мышкин на протяжении всего романа так и не может решить, вылечился он или нет).

Далее — сцена прощения блудницы. Оставляя в стороне уже достаточно основательную в исследованиях романа «литературу вопроса» и отметив, что хорошо бы исследовать проблему верного или неверного поведения Мышкина в контексте рассуждений самого Достоевского из упомянутых глав «Дневника писателя», где речь идет о судах над Каировой, Корниловой, Засулич, скажу совсем о другом, тоже дающем почву для размышлений. Вот что пишет о соответствующем фрагменте Четвертого Евангелия еп. Кассиан, который в своем обширном и подробном труде именно соответствующие стихи гл. 8 (1—11) оставляет вообще без толкования: «Не может быть никакого сомнения, что он (фрагмент. — К.С.) не принадлежал к первоначальному тексту Ин.» Приведя затем исторические и археологические свидетельства в пользу своего решения, епископ продолжает: «Положенное в Православной Церкви Евангельское чтение на Литургии в день Пятидесятницы начинается с гл. VII. 37 и кончается VIII. 12, причем наш отрывок опускается целиком. Надо думать, что составитель устава Евангельских чтений тоже не имел его в этом месте. <...>». По содержанию и по форме от-

---

\* Стихи 3—11 гл. 8 Евангелия от Иоанна читаются на Литургии в день памяти прп. Силуана Афонского 11/24 сентября (К.С.).

их апостолов-детей в том, что составляло их «ужасное наслаждение», — в своей любви к Мари; и то, что в конце концов Мышкин примирился с этим миром. Затем упоминание Евангелия от Иоанна следует в рассуждениях Ипполита по поводу картины Гольбейна (8; 339): сначала говорится о несении Христом Своего креста на Голгофу (в синоптических Евангелиях крест несет Симон Киринаеянин) и затем о воскрешении Лазаря. Есть связь со словами Пилата «Се Человек» — в словах Настасьи Филипповны и Ипполита о князе: «В первый раз человека видела» (8; 148) и «Я с Человеком прощусь» (8; 348). И, наконец, прощение блудницы. Сначала известная сцена на дне рождения Настасьи Филипповны, затем Мышкин в разговоре с Аглаей призывает не бросать в Настасью Филипповну камня (8; 361), и наконец, Радомский в разговоре с Мышкиным вспоминает эту евангельскую сцену, указывая на ее отличия от того, как поступил князь (8; 482). Отдельных случаев упоминания и цитирования синоптических Евангелий в романе всего четыре: мука в Гефсиманском саду (8; 21); упоминание Ипполитом о пробуждении от смерти дочери Иаира (8; 339); «станем слугами, чтобы быть старшинами» (Мышкин гостям Епанчиных — 8; 458) и «утаил от премудрых и разумных...» (слова Лебедева о Мышкине — 8; 494). Таким образом, и в романе «Идиот» можно увидеть преимущественное (по сравнению с синоптическими) влияние Четвертого Евангелия и ассоциации именно с теми эпизодами этого Евангелия, где подчеркнута неотмирность Христа, Его божественное могущество, Его воплощение и любовь к людям.

В Подготовительных материалах к «Идиоту» дважды упомянуто прощение блудницы (9; 235, 239), но важнее то, что напрямую название Четвертого Евангелия Достоевский выписывает в качестве пробы пера (9; 249) в очень важный момент. В комментариях говорится так: «Сразу же после этого (пробы пера. — К.С.) писатель зафиксировал сложившуюся мысль: «Князь Христос». Скорее всего, эта запись является хронологически первой» (9; 394). Таковы случаи прямых ассоциаций или упоминаний Четвертого Евангелия в романе и Подготовительных материалах. Перейдем теперь к более глубоким, неочевидным связям и отличиям.

Начало. В отличие от синоптических Евангелий, где подробно сказано о Благовещении, Рождении Господа, взрослении Его — у Иоанна Христос появляется сразу при Иордане у Предтечи, из непредставимого горного мира, от Начала начал. «В начале было Слово <...> И Слово стало плотью <...>» (Ин. 1:1, 14). Мышкин тоже появляется из далекой горной Швейцарии<sup>\*</sup> и в первой сцене всячески подчеркнута пограничность (между духом и плотью) его облика. Одна из главных тем Пролога Четвертого Евангелия — различение света и тьмы; контраст света и тьмы заявлен в начале романа (Мышкин и Рогожин, и не только). Мышкин прибыл из клиники. В христианской традиции Церковь часто именуется духовной «врачебницей», грех — болезнью, исповедь — лечением, священник — врачом (заметим, что Мышкин на протяжении всего романа так и не может решить, вылечился он или нет).

Далее — сцена прощения блудницы. Оставляя в стороне уже достаточно основательную в исследованиях романа «литературу вопроса» и отметив, что хорошо бы исследовать проблему верного или неверного поведения Мышкина в контексте рассуждений самого Достоевского из упомянутых глав «Дневника писателя», где речь идет о судах над Каировой, Корниловой, Засулич, скажу совсем о другом, тоже дающем почву для размышлений. Вот что пишет о соответствующем фрагменте Четвертого Евангелия еп. Кассиан, который в своем обширном и подробном труде именно соответствующие стихи гл. 8 (1—11) оставляет вообще без толкования: «Не может быть никакого сомнения, что он (фрагмент. — К.С.) не принадлежал к первоначальному тексту Ин.» Приведя затем исторические и археологические свидетельства в пользу своего решения, епископ продолжает: «Положенное в Православной Церкви Евангельское чтение на Литургии в день Пятидесятницы начинается с гл. VII. 37 и кончается VIII. 12, причем наш отрывок опускается целиком. Надо думать, что составитель устава Евангельских чтений тоже не имел его в этом месте. <...>». По содержанию и по форме от-

---

<sup>\*</sup> Стихи 3—11 гл. 8 Евангелия от Иоанна читаются на Литургии в день памяти прп. Силуана Афонского 11/24 сентября (К.С.).

рывок приближается к синоптическому преданию и глубоко отличается от Ин. <...> Скорее <...> наш отрывок был введен в гл. Ин. VIII как подходящая иллюстрация слов Иисуса в ст. 15: «Вы по плоти судите, Я не сужу никого». Грех женщины был грех плоти, и Господь ее не осудил (ср.ст.10—11). Принадлежность отрывка к подлинному Евангельскому преданию не подлежит сомнению»<sup>9</sup>. Ренан в своем обширном комментарии к Евангелию от Иоанна, напротив, пишет: «Я думаю, что он входил в первоначальный текст»<sup>10</sup>, но цитирует свидетельство ученого арменолога Прюдомма, который, в свою очередь, приводит свидетельство армянского историка Вартана Вартобеда (правильнее — Вартопеда): «Рассказ о женщине, взятой в прелюбодеянии, который у прочих христиан существует в их Евангелии, принадлежит перу некоего ученика Иоанна, Папия, который писал еретические книги и был отлучен. Так сообщает Евсевий. Рассказ этот написан впоследствии». Действительно, армяне совершенно отрицают этот эпизод или же помещают его в конце Евангелия от Иоанна»<sup>11</sup>.

Теперь обратимся к такой важнейшей — некоторые считают, что основной — связующей роман с Четвертым Евангелием теме, как любовь. Итальянский священник, автор очень интересного труда «Достоевский. Христос — страсть жизни» Диво Барсотти — к этой книге я еще буду обращаться далее — пишет: «Тот, кто любит, знает Бога, говорит апостол Иоанн»<sup>12</sup>. Любит ли кого-нибудь Мышкин? Настасью Филипповну? Сам признается, что нет. Аглаю? Отказывается от нее. Рогожина? Ипполита (которому советует «пройти мимо» (8; 433) и в результате тот оказывается у «короля иудейского», Гани)? Генерала Иволгина? На этот вопрос оказывается не так-то легко ответить. Некоторые исследователи упрекают Мышкина за отсутствие подлинно мужской страсти в его чувстве к женщинам. Но подобная страсть не принадлежит к числу христианских добродетелей, и такой упрек достаточно легко отводится «традиционалистами» (сторонниками апологетического восприятия образа Мышкина), что уже и сделано<sup>13</sup>. Кроме того, речь идет ведь не только о любви к женщине, но и вообще о любви человека к человеку, любви, которая соединяет двух любящих воедино, которая сохраняет, спасает и воскре-

шает любимого, то есть о христианской творческой любви. Мышкин сострадает всем, жалеет всех, «все больные, за ними уход нужен» (9; 221). Но в такой позиции есть нечто от отношения «сверху вниз», от снисхождения. Можно здесь увидеть некоторое остаточное влияние образа героя первых редакций романа «Идиот», отличавшегося невероятной гордыней и самовозвышением. Между тем как любовь есть равноправие. Даже, как бы дерзновенно это ни звучало, любовь Бога к человеку — чтобы проявить Свою любовь, Бог Сам вочеловечился, и кроме того, Бог не только Сам любит человека, но и ждет от него ответной любви. В этом смысле прав Диво Барсотти, когда пишет: «Может быть, настоящая человеческая любовь отсутствует в романе <...> нет любви, которая бы не была или разрушительной страстью, или состраданием, не защищающим того, на кого оно направлено»<sup>14</sup>. По этому же поводу Т. Горичева замечает: «Сострадание может быть не любовью, а жалостью, безвольной, безличной и бессильной реакцией на страдание. Поэтому сострадание Мышкина не воскрешает. <...> Сострадание — это кенозис любви. Оно, будучи творческим и преобразующим, спасает, будучи же просто реактивной жалостью, остается бесплодным. Жалость делает нас рабами судьбы, сострадание творческое (любовь) открывает в самой судьбе следы Божьего Промысла»<sup>15</sup>. Любовь — всегда индивидуальное творческое действие. В этой связи позволю себе небольшой отход в сторону. Как известно, для понимания романа очень важна категория «прекрасного». О Евангелии от Иоанна Достоевский писал так: «На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уже конечно есть бесконечное чудо. (Все Евангелие Иоанна в этом смысле; он все чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного)» (28, II; 251). В то же время Мышкин должен был воплотить идеал «положительно прекрасного человека». Замечательный русский философ Н.О. Лосский в своей книге «Мир как осуществление красоты» дает несколько определений прекрасного, постоянно настаивая на *индивидуальной* природе его проявления: прекрасное есть «красота личности как существа, реализовавшего сполна свою индивидуальность в чувственном воплощении и до-

стигшего *абсолютной полноты жизни* в Царстве Божием», «В нашем психо-материальном царстве бытия высшая возможная в его пределах красота достигается личностью, поскольку она осуществляет и обнаруживает свою индивидуальность»<sup>16</sup>. Мышкин же растворяется в окружающих его людях до полного исчезновения — в соответствии с представлением Достоевского, зафиксированным в его известной записи «Маша лежит на столе ...»: «слитие полного я <...> со всем», «высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно» (20; 174, 172). К этой записи мы еще обратимся, но сейчас надо вернуться к любви — как к творческому действию, к той любви, о которой говорится в Евангелии от Иоанна. Уже упомянутый Диво Барсотти пишет: «Бог, Который есть любовь, стал человеком, чтобы возлюбить нас сердцем из плоти», что же касается Мышкина, то его любовь «ни с кем его не связывает», это «любовь ангела, но не любовь Христа»<sup>17</sup>.

Здесь возникает очень интересная перекличка с замечательным трудом глубокого исследователя патристической традиции архимандрита Киприана (Керна) «Антропология св. Григория Паламы». Подробно исследуя важнейшую в патристике проблему — Бог усыновляет не ангелов, а человека, он пишет: «Человеку дано созидать <...> нравственные ценности, творить любовь. Ангелу же дано только служить, проводить любовь, отражать ее, как зеркало, как второй свет, от Первоисточника Любви. И в этом следовательно ангел меньше человека»<sup>18</sup>. «<...> Сравнивая человека с ангелами, не обладающими <...> способностями творческого эроса, Палама подчеркивает преимущество человека перед ангелом именно в этой способности и призванности творить <...> Сам Спаситель свидетельствует, что «Отец Мой доселе делает и Я делаю» (Иоанна, V, 17). И в этом созидательном действии Бога соучаствует и человек творец»<sup>19</sup>.

Для того, чтобы обрести возможность сотворчества с Богом, человек должен соединиться с Ним. Это соединение обретается в вере и осуществляется в таинстве Евхаристии. В Четвертом Евангелии нет описания Тайной Вечери и учреждения Господом евхаристического таинства, но самому

изъяснению этого таинства Иоанн уделяет много больше места, нежели другие евангелисты. Речь идет главным образом о гл. 6, где Иисус говорит: «Я есмь хлеб жизни» — и далее подробно объясняет это, а затем говорит: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (6: 48, 56). Это одно из самых главных и самых непостижимых христианских таинств, многими не понимаемое и тогда («С этого времени многие из учеников Его отошли от Него» — 6: 66), и, к сожалению, по сию пору. Но одним из скрытых смысловых центров романа «Идиот» является поядение *людьми друг друга*. О законе антропофагии, на котором якобы основана мировая гармония, говорит Ипполит: «Я согласен, что иначе, то есть без непрерывного поядения друг друга, устроить мир было никак невозможно» (8; 344) — то есть выдает это даже за Божий Промысл. О случаях людоедства в средние века говорится на знаменитом «апокалиптическом» диспуте у Лебедева. И, наконец, сюжет романа тоже может быть представлен, как я уже говорил, как своеобразное поядение Мышкина всеми остальными персонажами романа, вплоть до полного его исчезновения. Конечно, он сам отдает себя на поядение, но, будучи человеком, не может быть *хлебом жизни*.

Таинство евхаристии связано и с обретением жизни вечной. В той же гл. 6 Иисус говорит: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день <...>» (6: 54).

Количество смертей в романе «Идиот» больше, чем где-либо еще у Достоевского, а вот надежды на Воскресение нет — вернее, она под вопросом<sup>20</sup>. Как пишет Е. Новикова, «точное евангельское цитирование («талифа куми», «Лазарь, гряди вон», «и вышел умерший») завершается вопросительным знаком («и вышел умерший?»)<sup>21</sup>. И дело тут не только в гигантском искушении, находящемся в центре романа, — картине Гольбейна «Христос в могиле». Ответом на полные безверия слова Ипполита о том, что ему высшею силой «предписано <...> уничтожиться», «так ужасна смерть и так сильны законы природы <...> как же одолеть их? Как одолеть их, когда не победил их теперь даже Тот, Который побеждал и природу при жизни Своей...» (8; 343, 339) — от-

ветом на это остается лишь финальная сцена романа, с пародией на воскресение — явлением призрака (именно так я понимаю *то*, что слышат Мышкин и Рогожин в финальной сцене) и замершими в безумии Мышкиным и Рогожиным перед лицом смерти — открытым вопросом, говоря словами (уже утвердительными) Кириллова из «Бесов»: «оба ... (Кириллов говорит о Христе и разбойнике. — К.С.) пошли и не нашли ни рая, ни Воскресения» (10; 471). Почему так?

Более подробно я пытался ответить на этот вопрос в своей работе в сборнике «Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения.» Здесь скажу лишь применительно к Евангелию от Иоанна. Говоря, что тема воскресения и будущей жизни является одной из главных в Евангелии от Иоанна, еп. Кассиан подчеркивает: «Очень показательно, что в Православной Церкви все евангельские чтения на заупокойных службах заимствованы из Ин.»; формулирует это коротко и точно: «Смерть — с миром. Жизнь — во Христе»<sup>22</sup>. Жизнь во Христе означает непосредственное общение с Ним, усвоение исходящей от Него благодати, усвоение божественных энергий, просветляющих, преобразующих и оживляющих. Многие средневековые и современные богословы пишут, что совершенство человека — это процесс динамический, основанный на той или иной степени усвоения этих энергий<sup>23</sup>. Кто скажет, что мы здесь слишком оторвались от Достоевского, пусть вспомнит главу «Кана Галилейская» и увидит, что Достоевский тоже понимал — или понял — это не хуже многих богословов. В романе «Идиот» такого благодатного общения нет ни у кого — здесь все происходит в мире. Не случайно такой тонкий исследователь, как С.И. Фудель, при общем расхождении в оценке романа с точкой зрения, представленной в данной статье, все же в конце своей главы об «Идиоте» пишет: «Мы не чувствуем Церкви в романе, точно для Достоевского христианство уже с Голгофой, но еще без Воскресения»<sup>24</sup>. Церковь С.И.Фудель пишет с заглавной буквы, имея в виду не случай посещения персонажами храма, а Тело Христово. По поводу суждения С.И. Фуделя позволю себе еще заметить, что в Евангелии от Иоанна, как пишут богословы, Воскресение начинается уже с Голгофы. В романе «Идиот», мне думается, это не так.

Но как же, скажут мне, в романе ни у кого нет благодатного общения с Небесами — а припадки князя Мышкина, во время

которых он испытывает мгновения слияния с «высшим синтезом жизни»? Но, во-первых, благодатное общение не бывает в виде припадков — в том числе и потому, что оно бывает свободным, а не насильственным, вызванным болезнью. Во-вторых, исследователями (в частности, И. Кирилловой) уже было обращено внимание, что слова «высший синтез жизни» — из лексикона европейской утопической гуманистической философии<sup>25</sup>. И дело здесь отнюдь не только, конечно, в словах.

Анализируя знаменитую запись Достоевского «Маша лежит на столе...», И. Кириллова выявила, насколько сильно сказалось в этой записи еще сохранившееся и очень сильное влияние утопической гуманистической философии. «Идеал человека во плоти», «вековечный от века идеал <...> к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» — это все определения, «четко суммирующие гуманистическую, утопическую концепцию Христа»<sup>26</sup>. И далее, разбирая эту запись, И. Кириллова показывает, «насколько глубоко философски и эмоционально было влияние утопической мысли на Достоевского», насколько сильно сказалось здесь «сцепление утопической мысли и Евангельского подтекста»<sup>27</sup>. Нам порой кажется, что после каторги христианское мировоззрение Достоевского окончательно сложилось и уже не претерпевало изменений. Но это, конечно, было не так. И. Кириллова, в частности, пишет: «Несмотря на уже происшедшую «перемену убеждений», Достоевский еще продолжает использовать доводы, в частности, концепции Сен-Симона, отмеченные нравственным гуманизмом русского романтического религиозного утопизма (Новохристианство)»<sup>28</sup>. Об этом пишут и другие исследователи. Но очень важно подчеркнуть, что утописты и новохристиане в своих учениях вовсе не оригинальны. Их заблуждения имеют гораздо более древние корни. В своей книге «Таинство веры» иеромонах Иларион (Алфеев) пишет об отрицательном влиянии неоплатонизма на христианскую мысль. Известное высказывание Плотина: «Цель человеческой жизни — не безгрешность, а обожение» «точнее, впрочем, было бы перевести: «стремление — не быть вне греха, а быть богом».» Но выражение «быть бо-

<sup>25</sup> Plotin. Enneades 1, 2, 6, ed. E. Bréhier. Paris, 1954, т.1, р. 57 (прим. иеромонаха Илариона (Алфеева)).

гом» в политеистической традиции понималось очень широко, так как *theos* (бог) могло быть даже синонимом слова *daimon* («демон, божество, бог»)\*, «быть богом» означало достичь духовности, совершенства и безгрешности, присущей демонам (бесплотным духам).

Правда, Плотин говорит и о большем — именно о созерцании Верховного Начала (называемого Единое, Первоединое, Благое, Сущее, Все и т.д.) и единении с Ним в экстазе блаженной любви. Однако экстаз и обожение Плотина не следует полностью отождествлять с соответствующими понятиями патристической традиции. Платиновский экстаз есть результат умственной деятельности, размышления о Боге; философ не говорит о молитве как пути к боговидению, тогда как у христианских авторов созерцание Бога является плодом молитвенного труда. Обожение Плотина — это растворение в Едином, слияние с Ним до полной утраты собственной индивидуальности, «исчезновение» в Божестве, тогда как христианское обожение означает наивысшее приобщение к Божественному свету и причастность Божественной энергии без утраты своей личности, взаимообщение и взаимопроникновение Бога и человека как двух личностей, становящихся «равными». И главное — неоплатонизм не знает Христа как единственной Личности, открывающей человеку Божественную реальность в непосредственном опыте, не знает Бога, ставшего хлебом, пищей, питанием для души и тела. Кроме того, неоплатонический экстаз — сугубо интеллектуальный процесс, не предполагающий какого-либо участия тела в обожении: тело — лишь оболочка, темница, гроб, из которого надо выбраться, чтобы общаться с чистейшим Абсолютным Духом. Для христианина же обожение становится возможным только благодаря воплощению Слова, воспринявшего наше человечество и давшего нам Свое Божество, причем тело является полноправным участником процесса обожения и тоже приобщается к Божественной энергии, входящей «во вся составы, во утробу (во внутренности), в сердце»\*\*<sup>29</sup>.

\* A Greek — English Lexicon, eds. H. G. Lidell, R. Scott. Oxford, 1989, p. 365—366 (то же).

\*\* Молитвы по Св. Причащению (то же).

Одним из главных искушений европейской мысли, и не только утопической, и в относительно давние времена, и по сию пору, было замещение Бога некоей идеей, «чем-то там наверху», в том числе и «высшим синтезом жизни». Это, по существу, идолопоклонство и начало всякого атеизма, позволяющее очень легко впасть в прелесть. Но это крайности, а в *смещении* подлинной веры и такого искушения находились и находятся многие люди и в других странах, и у нас. На определенном этапе через такое смещение прошел и Достоевский. Близко знающий опасности такого искушения немецкий профессор Р. Шнакенбург в своей книге «Новозаветная христология» специально подчеркивает: «Воплощенное Слово не является просто идеей, но воплощенным, просвещающим и спасительным Откровением Бога»<sup>30</sup>. «И Слово стало плотью» — сказано в Четвертом Евангелии. В романе «Идиот» плотью стала идея, идеал «положительно прекрасного человека».

Многие исследователи отмечают сильный и значительный автобиографический момент, отразившийся в творческом процессе романа «Идиот». Этот элемент, может быть, был даже сильнее, чем мы думаем. Сам Достоевский в этот период писал, что он близок к идиотизму, в одной из своих работ я пытался показать, что и ситуация с «двумя разными любовями» переживалась писателем в эту пору<sup>31</sup>. Отсюда — то безусловно авторское сочувствие и сопереживание герою, которое мы не можем не ощущать, читая роман. Другой значительной составляющей при создании романа была, бесспорно, христианская тематика. Но была еще и третья составляющая — располагающаяся между ними — идея, идеал, образ положительно прекрасного человека. (Здесь можно привести такое важное замечание Т. Горичевой: «Романтизм стремится к абсолютной непосредственности, но никогда не достигает ее, потому что между романтическим героем и его Абсолютом постоянно мешается «идеал»<sup>32</sup>). Поэтому внутренний сюжет, осуществляющийся, как всегда у Достоевского, между двумя мирами — горним и земным, в романе «Идиот» по большей части, как отмечала Т. Касаткина, соскальзывает в земное<sup>33</sup>. «Красота, — писал Н.Я. Данилевский, — есть единственная духовная сторона материи, — следовательно, красота есть

единственная связь этих двух основных начал мира»<sup>34</sup>. А в центре романа «Идиот», считает уже упоминавшийся Д. Барсотти, «оказывается не образ Христа, а роковая красота Настасьи <...> роман, как представляется, следует не столько Евангелию, сколько гностицизму <...> Мышкин — гностический спаситель, которого проповедал докетизм»<sup>35</sup>. Впрочем, это особая и большая тема.

Завершая статью, нужно сказать вот о чем. Христианская вера Достоевского постоянно развивалась и углублялась. Это происходило и в процессе создания романов, и от романа к роману. По произведениям Достоевского «мы <...> постигаем, как медленно и неуклонно совершалось истинное обращение Достоевского к христианству» (Д.Барсотти)<sup>36</sup>. И уже в Подготовительных материалах к «Бесам» формула «Красота спасет мир» претерпевает коренное изменение: «Мир станет красота Христова» (11; 188). Одной из главных тем становится основополагающее значение веры в то, что «Слово плоть бысть» (11; 179 и др.); в следующем рассуждении из этих Подготовительных материалов, которым я закончу, содержится ответ на проблематику романа «Идиот»: «Да Христос и приходил затем, чтоб человечество узнало, что (следующее слово в 30-томнике прочитано как «знания», сейчас исследователи склоняются к тому, что здесь в оригинале слово «земная». — К.С.) природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а не то что в одной только мечте и в идеале, что это и естественно и возможно» (11; 112).

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Geir Kjetsaa. Dostoevsky and His New Testament. Solum Forlag A.S.: Oslo — Humanities Press: New Jersey, 1984, p. 8—10 (см. также: G. Kjetsaa. Dostoevsky and His New Testament. // Dostoevsky studies, vol. 4. Klagenfurt, 1983, p. 99); Г. Ф. Коган. Комментарий. // Ф.М. Достоевский. «Преступление и наказание». Серия «Литературные памятники». М., «Наука», 1970 (это была первая публикация помест Достоевского в Евангелии и первое в нашей стране обращение к Евангелию при комментировании); Г. Ф. Коган. Вечное и текущее (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя). // «Достоевский и мировая культура», № 3, М., 1994, с. 28 и др.

<sup>2</sup> В.В. Дудкин. Достоевский и Евангелие от Иоанна. // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 2. Петрозаводск, изд-во Петрозаводского ун-та, 1998, с. 337–348.

<sup>3</sup> N. Struve. Dostoievski et l'Evangile selon Saint Jean. // Les Cahiers de la nuit surveillée. Ed. Verdier. № 220. Lagvatte, 1983.

<sup>4</sup> Епископ Кассиан Безобразов. Водю и Кровию и Духом. Толкование на Евангелие от Иоанна. Bibloteque Slave de Paris. Collection Simvol № 8, 1996, с. 50, 41, 56, 55, 69, 81.

<sup>5</sup> Там же, с. 192–196, 97–100, 156, 189.

<sup>6</sup> К.А. Степанян. К пониманию «реализма в высшем смысле» (на примере романа «Идиот»). // «Достоевский и мировая культура», № 10. М., Классика плюс, 1998, с. 59.

<sup>7</sup> Так, на четвертой странице обложки «Толкования на Евангелие от Иоанна» блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского (четвертая книга его труда «Благовестник или толкование на Святое Евангелие» — М., «Афон», 2000) изображен лев с Евангелием и дана подпись: «Евангелие от Иоанна имеет лицо льва, ибо лев есть образ царской власти. Так и Иоанн пачал с царственного и владычественного достоинства».

<sup>8</sup> См. об этом и некоторых других содержательных параллелях между Евангелием от Иоанна и романом «Идиот» в упомянутой книге: Geir Kjetsaa. Dostoevsky and His New Testament, p. 10–13.

<sup>9</sup> Епископ Кассиан Безобразов. Водю и Кровию и Духом, с. 183.

<sup>10</sup> Эрнест Ренан. Жизнь Иисуса. Перевод с французского Е.В. Святловского. М., изд-во «Вся Москва», 1991, с. 307–308.

<sup>11</sup> Там же, с. 308.

<sup>12</sup> Диво Барсотти. Достоевский. Христос — страсть жизни. Перевод Леопада Харитоновой. М., «Паолине», 1999, с. 37.

<sup>13</sup> А.Е. Кунильский. О христианском контексте в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 2, с. 392–393 и др.

<sup>14</sup> Диво Барсотти. Достоевский. Христос — страсть жизни, с. 56, 60.

<sup>15</sup> Т.М. Горичева. О кенозисе русской культуры. // Христианство и русская литература. Сборник статей. СПб., «Наука», 1994, с. 63.

<sup>16</sup> Н.О. Лосский. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М., «Прогресс — традиция», 1998, с. 95, 105, 156, 165.

<sup>17</sup> Диво Барсотти. Достоевский. Христос — страсть жизни, с. 195, 196.

<sup>18</sup> Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М., «Паломник», 1996, с. 371.

<sup>19</sup> Там же, с. 375.

<sup>20</sup> См. Е.А. Трофимов. Образ Мышкина в первой части романа «Идиот»; К.А. Степанян. Смерть и Воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот». // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых под ред. Т.А. Касаткиной. — М., «Наследие», 2001 (в печати).

<sup>21</sup> Елена Новикова. Христианские тексты и проблема софийности романа Ф.М. Достоевского «Идиот». // Роман Достоевского «Идиот»: раздумья, проблемы. Межвузовский сб. научных трудов. Иваново, Ивановский гос. ун-т, 1999, с. 19.

<sup>22</sup> **Епископ Кассиан Безобразов.** Водю и Кровию и Духом, с. 91, 111.

<sup>23</sup> Там же, с. 97; **Архимандрит Киприан (Керн).** Антропология св. Григория Паламы, с. 275—428.

<sup>24</sup> **С.И. Фудель.** Наследство Достоевского. М., «Русский путь», 1998, с. 118.

<sup>25</sup> **И.А. Кириллова.** «Маша лежит на столе...» — утопические и христианские мотивы (к обозначению темы). // «Достоевский и мировая культура», № 9. М., «Классика плюс», 1997, с. 24.

<sup>26</sup> Там же, с. 23.

<sup>27</sup> Там же, с. 27, 26.

<sup>28</sup> Там же, с. 22. Можно привести и такое суждение Д. Барсотти: «Важнейшие романы Достоевского являются, в сущности, превосходным толкованием Евангелия, а в «Идиоте» Евангелие отсутствует. Если князь и походит на Христа, то не на Христа Евангелия и не на Христа Церкви, а скорее, на такого, каким Его знал и проповедовал Руссо, Христа безжизненного, ни Бога, ни человека» (указ. соч., с. 131).

<sup>29</sup> **Иеромонах Иларион (Алфесв).** Таинство веры. Введение в Православное догматическое Богословие. Москва—Клин, изд-во Братства Святителя Тихона, 1996, с. 222—223.

<sup>30</sup> **Рудольф Шнакенбург.** Серия «Mysterium Salutis». Догматические основы Тайны Спасения. «Новозаветная христология». (Том III, глава IV). М., «Паолине», 2000, с. 153.

<sup>31</sup> **К.А. Степанян.** К пониманию «реализма в высшем смысле» (на примере романа «Идиот»), с. 55—58.

<sup>32</sup> **Т.М. Горичева.** О кенозисе русской культуры, с. 61.

<sup>33</sup> **Татьяна Касаткина.** Об одном свойстве эпилогов пяти великих романов Достоевского. // Достоевский в конце XX века. М., Классика плюс, 1996, с. 106.

<sup>34</sup> Цит. по: **Н.О. Лосский.** Мир как осуществление красоты, с. 72 (сообщено **Н.Н. Страховым** в биографии **Н.Я. Данилевского** при книге его «Россия и Европа», 5 изд., стр. XXXI).

<sup>35</sup> **Диво Барсотти.** Достоевский. Христос — страсть жизни, с. 63.

<sup>36</sup> Там же, с. 23.